

О П Ы Т Ы

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ю. П. ИВАСКА

ИЗДАТЕЛЬ М.-Э. ЦЕТЛИНА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

НЬЮ-ЙОРК — 1955 ГОД

О ЧЕХОВЕ

Едва ли найдется другой писатель или читатель, который был бы так связан с Чеховым, как Катрин Мансфильд (1888-1923). Английские критики называют ее «нашим Чеховым», но, при этом, всегда добавляют: конечно, «меньшего размера». Когда ей было 20 лет, она навсегда покинула свою далекую родину, Новую Зеландию. В Европе ей «своего места» найти не удалось. Она постоянно скиталась, нередко нуждалась. Оба замужества ее были неудачны. Со вторым своим мужем (критиком Мурри) Катрин мучительно-долго, нудно-бесплодно «выясняла отношения», но так ничего и не выяснила. Заболела чахоткой и, незадолго до смерти, поселилась в пансионе Гурджиева, который поместил ее в коровнике. Он утверждал, что запах коровьего навоза, прочищает легкие... В этом пансионе, под Парижем, она и умерла, захлебнувшись кровью. Один из ранних ее рассказов *The Child-Who-Was-Tired* (1910 г.) — вариант чеховского рассказа *Спать хочется*. Любимая ее чеховская вещь, — повесть *В степи*: это — «Иллиада и Одиссея нашего времени»... В Чехове ее пленяло многое — внешняя объективность и внутренняя хрупкость, надломленность и чистосердечие... В рассказах ее английские критики находят «чеховскую атмосферу». Но было у ней и *свое*: может быть, более пристальное внимание ко всему незначительному, случайному. В ее биографии (недавно появилось их две: Сильвии Беркман и Антони Альперса) поражает чеховский облик самой Катрин Мансфильд. В юности — она Нина Зарудная (*Чайка*) с ее амбициями, с ее обреченностью, а позднее — заплутавшаяся Дама с собачкою...

Не всё в ней было, однако, «чеховское». Она любила стихи английских романтиков, в особенности, Китса. А Чехов? Я не читал всех его писем, но не очевидно ли, что к стихам он был равнодушен. В его *Степи* есть поэзия, но в настоящих стихах (или в прозе Гоголя) — другая поэзия, та «ворожба», которой Чехов не

мог и не хотел поддаться, и именно поэтому русские поэты как-то «инстинктивно» его не долюбивают... А Мансфильд была этой «стихией» поэзии одержима и в молодости сама писала стихи.

Другой отклик, тоже женщины, — самой замечательной современной писательницы, Вирджинии Вульф (ум. в 1941 г.). Она опытнее, зрелее, даровитее Мансфильд. Ее критические очерки не менее изумительны, чем ее повести. В очень интересной статье (*Русская точка зрения*) она пишет: у Чехова не «простота», как думают «у нас, в Англии», а нудная путаница. Но в его крохотных будничных рассказах, слышится иногда тайная, тихая мелодия: и вот вдруг все наши западные декорации (культуры) «рассыпаются» под эту мелодию, и мы облегченно вздыхаем: мы свободны... Но свобода эта: в пустоте. Жизнь остается бессмысленной...

Вообще же, Чехов, и английский, и американский, сложная тема, и даже проблема. Почему, например, англичане и, в особенности, американцы, так восхищаются театром Чехова? Вот характерный отзыв — не писательницы, а читательницы-американки: был Шекспир, у которого всё в *действии*, а потом явился Чехов, у которого никакого *действия* нет. Оба — равноценны (!). На Бродвее же артист, которому еще не удалось сыграть чеховскую роль, будто бы считается не «полноценным»...

Ю. И.